

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время мы живем в мире, в котором материальные ресурсы являются предметом ожесточенного соперничества. В этом формирующемся мире ключ к успеху находится в руках умелых управленцев, регулирующих информационные возможности и ресурсы.

Список цитированных источников

1. Завадский, И.И. Информационная война – что это такое? // Конфидент. – 2000. – № 4. – С. 10-13.
2. Почепцов, Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М.: Ваклер, 2004. – 472 с.
3. Панарин, И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. – Москва, 2012. – 320 с.
4. www.interfax.by.
5. Почепцов, Г.Г. Информационно-политические технологии. – Москва, 2003. – 384 с.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И РЕАЛИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Донских С.В.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Социокультурное пространство всегда было неоднородным. Идет ли речь о «вертикальной» социокультурной стратификации или «горизонтальных» делениях на отдельные провинции или регионы – мы всегда фиксируем «партикулярности» различного уровня и свойства. Но нигде «диверсификация» собственно социокультурного пространства не выступала столь ярко и значимо как в Европе.

Процесс регионализации Европы протекал на двух уровнях: осмысление и «демаркация европейского» от иных цивилизаций и социокультурных традиций и выделение регионов в рамках Европы. Оба эти процесса были тесно взаимосвязаны и обеспечивали адаптацию Европы к «внешнему миру» и ее позиционирование относительно соседних народов, культур и цивилизаций.

Географическая Европа традиционно считается исторической родиной западной цивилизации. Они связаны даже на этимологическом уровне. Наиболее распространенной, хотя и не бесспорной версией происхождения слова Европа, является версия, выводящая его от семитского слова «вечер». «Вечернее направление» есть направление западное. Поэтому понятие Европы изначально содержало в себе отсылку к Западу, хотя для всех европейских языков это не являлось самоочевидным. В европейскую интеллектуальную традицию слово Европа пришло через греческий язык – первый классический язык западного мира. Первоначально под Европой греки понимали лишь греческие и фракийские области на Балканах. Со временем греческая колонизация Средиземноморья, эллинизация Балкан и Малой Азии, рецепция эллинистической культуры Древним Римом и территориальная экспансия Римской империи расширили представления античного мира о Европе. В начале нашей эры под Европой понимались территории, лежащие севернее Средиземного моря (отделявшего Европу от Африки) и восточнее Эгейского и Черного моря (отделявших Европу от Азии).

Проблемой являлась «северо-восточная» граница Европы. Любопытно отметить, что она все время сдвигалась на восток. Первоначально границей Европы и Азии считалась река Фасис (древнегреческое название реки Риони в Закавказье). Затем роль пограничной реки перешла к Танаису – Дону [1, с. 199 – 200]. В более поздние времена граница Европы и Азии была проведена по Волге и, наконец, в XVIII – XIX в. утвердилась по Уральским горам. Симптоматично, что именно демаркации Европы и Азии вызывала у «европейского» сознания наибольшие проблемы и осуществлялась за счет перманентной «инкорпорации» азиатского пространства в европейское.

Этимология слова «регион» возвращает нас к римскому культурному наследию. Латинское слово «regiō» первоначально обозначало направление, затем – местность, округ, городской квартал. Легендарный республиканский Рим делился на четыре «округа-направления» – региона. В близком к современному значению термин «регион» стал использоваться со времен императора Августа. Умиротворивший Рим после многолетних гражданских войн Август в 7 г. до н.э. разделил Италию на 11 областей – «regiones», а Рим на 14 округов – также названных «regiones». Понятие региона стало обозначать часть социально-политического и культурного целого – Италии и Рима, которые являлись центром цивилизации как таковой. Завоеванные же территории продолжали считаться подчиненными провинциями и не отождествлялись с собственно римскими и итальянскими регионами. С распространением императором Каракаллой в 212 г. римского гражданства на все население провинций, к тому времени в значительной степени романизированных или эллинизированных, понятия регионального и провинциального смыкаются. Провинциальная и региональная «вторичность» начинает преобладать над первоначальным равенством регионов по отношению к государственному «центру». Хотя еще при императоре Диоклетиане (284–305), разделившем империю на 12 диоцезов и 100 провинций, для Италии сохранялось традиционное деление на регионы [2, с. 143].

Таким образом, античность, как фундамент западной цивилизации, детерминировала изначальный смысл «бинарной оппозиции» европейского и регионального. Европа – есть часть света, противостоящая Африке и Азии. Ее отличие от Африки является самоочевидным. Ее демаркация с Азией является относительной, и постоянно «пересматривается, доказывается и переподтверждается» за счет «продвижения» Европы на восток. Этот процесс в нач. XXI в. даже породил концепт «Большой Европы» – от Атлантики до Владивостока. Понятие региона изначально возникло для обозначения «части своего целого». В отличие от понятия провинции, которое обозначало территорию захваченную, подчиненную, инкорпорированную в состав Римской империи. Соответственно, относительно регионов нельзя говорить об эксплуатации, ассимиляции и т.п. негативных воздействиях со стороны «центра» («целого»). Регионы являются его неотъемлемой частью, они продуцируются «целым» «из самого себя». Совсем другой статус у априори «иных» провинций. В состав целого они включаются извне. В идеале провинции должны стать регионами. Если же социокультурные процессы проходят по негативному сценарию, то регионы становятся провинциями.

В первые века нашей эры сформировалась трехуровневая система регионализации Европы, которая просуществовала свыше десяти веков. В основе ее лежала классическая «бинарная оппозиция». На «макроуровне» Европа делилась на варварскую Северную Европу и цивилизованную Южную Европу, тяготеющую к Средиземноморью. Границы Римской империи – знаменитый «лимес» – был четко очерченной, но проницаемой границей между двумя Европами. Внутри цивилизованной Южной Европы имелась своя граница, отделявшая две цивилизационные модели античности: эллинистический мир Балкан и Ближнего Востока от латинского мира Италии, Галлии и Иберии (Испании). Эллинистический Восток и латинский Запад античной Европы в свою очередь делились на десятки провинций и регионов, отражавших местные особенности и статус территорий в рамках Римской империи.

Крушение античности и формирование христианского средневекового мира первоначально повлекло за собой «варваризацию» латинского Запада Европы. Но вскоре, христианские проповедники варварского происхождения сделали то, что не удалось римским легионам – они христианизировали и окультурили варварский Север Европы. В результате, в начале II тыс. н.э. произошла трансформация региональной структуры христианской Европы, удивительным образом напомнившая политическую систему

«тетрархии» императора Диоклетиана. В своей основе сохранилось античное деление на западную и восточную цивилизационные модели Европы. Романо-германской католической Европе противопоставлялась греческая и восточнославянская православная Европа (римский папа и каролингская империя vs константинопольский патриарх и Ромейская (Византийская) империя). Каждый из этих миров имел свои полюса. В рамках католической Западной Европы выделялись более культурная и экономически развитая романская Южная Европа и полуварварская германская Северная Европа. В рамках православной Восточной Европы разделились расположенная на юге великолепная греческая Византийская империя и полуварварская северная славянская Русь.

В XIII–XV в. эта удивительная система социокультурной тетрархии была сокрушена натиском извне. Монголо-татарские завоеватели подчинили себе большую часть территории Древней Руси, а турецкие завоеватели полностью овладели землями Византийской империи. Так Восточная Европа стала Европой «азиатской» и почти на пять веков была исключена из европейского социокультурного пространства.

Поэтому для XV–XVIII в. Европа как социокультурная система стала отождествляться исключительно с Западной Европой. Ренессансный гуманизм XV–XVI в., научная революция XVII в. и философия просвещения XVIII в. определили подчеркнутый светский характер европейской высокой культуры. Реформация и Великие географические открытия XVI в. сформировали новую бинарную оппозицию между отстающей католической Южной Европой и вступившей на путь модернизации, протестантской Северной Европой – «настоящей Европой».

Благодаря Великим географическим открытиям была разорвана жесткая связь Европы и Запада. К середине XIX в. стало считаться чем-то самоочевидным, что Северная Америка (не отягощенная предрассудками и традициями Старого Света) является большим «Западом», нежели «старушка Европа» [3, с. 247 – 252]. «Ось» этой новой «расширенной Европы» прошла через Северную Атлантику, связав Нидерланды и Британские острова с одной стороны, и Северную Америку с другой стороны. В результате в рамках «Европы» выделились три больших региона:

- «Классический Запад» («фаустовский тип культуры», «атлантическая цивилизация»), который включал в себя Нидерланды, Британские острова и Северную Америку (преимущественно протестантские и англо-саксонские);
- «Историческую Европу», делившуюся на Средиземноморскую (католическую и романскую) и Центральную Европу (неоднородную в религиозном плане и преимущественно немецкую в культурном отношении). Для англо-саксов эта Европа пренебрежительно именовалась «континентальной»;
- «Догоняющую Европу» – Восточную Европу, которая периодически предпринимала более или менее успешные попытки своей модернизации с целью «догнать и перегнать» Запад.

Научно-технические и экономические успехи западной (европейской) цивилизации породили массу подражаний. Не случайно, что первая такая попытка была предпринята в Восточной Европе в начале XVIII в. и была связана с реформами Петра Первого. Еще более впечатляющим по своим последствиям был советский опыт модернизации. Географическое положение само по себе не являлось критерием принадлежности к Европе. Гораздо большее значение имели социокультурные факторы: религиозные традиции, политические институты, культурные особенности, уровень научно-технического и экономического развития. Причем на разных исторических этапах приоритетными являлись различные факторы. Для средневекового мира – это христианство. Для Нового времени – уровень научно-технического и экономического прогресса.

Этот самый последний с исторической точки зрения «маркер европейскости», который появился не ранее XVII–XVIII в., детерминировал новую иерархию европейских

регионов, а также острую борьбу за первенство в «европейском пространстве». Ее результатом явился процесс «конструирования» регионов с целью их последующего продвижения, утверждения, развития и т.п. Начало этого процесса было положено немецкими учеными, которые накануне Первой мировой войны попытались обосновать особый статус «Срединной или Центральной Европы». Особенно большой вклад в разработку этой темы внес Фридрих Науман. Это была Европа, ущемленная англо-американцами с запада и ограниченная славянами с востока, которая нуждалась в своем расширении до «естественных границ» и полноценном экономическом развитии.

После Второй мировой войны венгерские и польские ученые эмигранты (Енё Шюц, Оскар Халецкий, Чеслав Милош) активно работали над концептом Центрально-Восточной Европы, которая всегда тяготела к Западной Европе, но выступала объектом агрессии со стороны Восточной Европы и поэтому отставала в своем развитии. Если концепт Центральной Европы ныне представляет лишь исторический интерес, то концепт Центрально-Восточной Европы является определяющей идеей для позиционирования ряда восточноевропейских стран на международной арене. В частности, известное как «Вышеградская группа» объединение Польши, Чехии, Словакии и Венгрии идеологически опирается на концепт Центрально-Восточной Европы и позволяет этим странам совместно отстаивать свои интересы в рамках Европейского Союза [4, с. 28–29].

В 70-х годах XX в. процессы регионализации охватили и Северную Европу. Концептуально они оформились в несколько интеллектуальных интенций, которые тесно связаны между собой: «скандизма», «нордизма» и «балтизма». Первая больше акцентирует внимание на преобладающем этническом элементе – скандинавских народах, вторая – на географическом факторе и общей исторической судьбе, как скандинавов, так и финно-угорских и балтских народов Северной Европы. С целью расширения взаимодействия с соседними государствами – Польшей, Германией и Россией на рубеже XX–XXI в. концепт «нордизма» мягко трансформировался в концепт «балтизма». Как отметил в этой связи А.С. Макарычев: «*Нордический проект*» первоначально возник как концепция, нацеленная на возрождение важнейших характеристик региональной идентичности. Так, концепция «нордичности» (*Nordicity*) характеризуется как «неевропейская», «некатолическая», «не связанная с римским историческим наследием», «неколониальная», «не тяготеющая к эксплуатации», «склонная к географически малым формам», «миролюбивая», «преимущественно социал-демократическая» и с большим уровнем социальной защищенности» [5, с. 150]. Нордический проект – это классический пример того, как некогда «маргинальный» (т.е. геополитически находящийся на краю) регион может получить преимущества от своего расположения». Балтийский проект есть расширенная версия, новая редакция «старого нордизма».

В середине XX в. казалось, что Европа как социокультурное целое перестала существовать. Остались лишь европейские регионы, разделенные «железным занавесом» на американскую и советскую зоны влияния. Однако кризис социалистической системы и распад Советского Союза положил начало процессам глобализации и позволил Европе возродиться как целое, но в рамках западной цивилизации. Как пронципально заметил А.С. Панарин, современная Европа есть младший партнер в социокультурном пространстве «Большого Запада». Образно говоря, это Афины во времена Римской империи. Экономическая и военная мощь современного мира расположены за пределами Европы.

Следует помнить, что главная социокультурная граница глобального мира описывается преимущественно в экономических категориях и пролегает между развитым и богатым Севером и отсталым и бедным Югом: Северная Америка, Европа, Япония и мегаполисы бывшего СССР – это Север глобального мира.

В региональном отношении современная Европа крайне неоднородна. «Старой Европе» оппонируют страны, вошедшие в Европейский Союз в 2004 г., т.н. «Новая Европа». Фундаментом «Старой Европы» является франко-германское сотрудничество. Соединенное королевство всегда остается при своем особом мнении. «Периферия» Европейского Союза охвачена перманентными процессами конструирования / деконструирования региональных проектов и идентичностей: «нордизм» и «балтизм», Центрально-Восточная Европа, Балканы. Различные программы и проекты пытаются перенести этот процесс регионализации и за пределы Европейского Союза. Речь идет о таких явлениях, как политическая программа «Восточное партнерство» или интеллектуальный проект восточноевропейского пограничья (Беларусь, Украина и Молдова как пограничье Европы).

В этом интеллектуальном и культурном пространстве негативно воспринимаются любые попытки «регионализации» вне «европейского контекста». В частности, создание Евразийского Союза. Если мы оперируем категориями и стереотипами («ментальными картами») XVI–XVIII в., то другие оценки в принципе и невозможны. Однако, если вспомнить, что изначально было «две Европы», что почти полторы тысячи лет Европа существовала через взаимодействие и диалог Западной и Восточной Европы (эллинистической, православной, византийской, славянской), если принять во внимание, что восточная граница Европы всегда была подвижной, то создание Евразийского Союза можно рассматривать не как «вызов» Европе, но как возвращение к ее европейской аутентичности.

Список цитированных источников

1. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер / ред. Е.В. Гуцина [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
2. Донских, С.В. Современный регионализм: становление и перспективы / С.В. Донских // Культуры, наука и образование в современном мире: материалы V Межд. науч. конф.; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.]. – Гродно: ГГАУ, 2011. – С. 142–147.
3. Тёрнер, Ф.Д. Фронтир в американской истории / Ф.Д. Тёрнер. – М.: Весь мир, 2009. – 304 с.
4. Кржен, Я. Центральная Европа в европейском историко-географическом контексте / Я. Кржен // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре – № 6 (56) 2007. – С. 25–31.
5. Макарычев, А.С. Идентичности балтийских пространств: сетевое взаимодействие или конкуренция региональных проектов? / А.С. Макарычев // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США: сборн. науч. трудов. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 142–154.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

Жарикова А.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

На современном этапе развития человечества появилось ряд проблем, связанных с выбором стратегий образовательных систем, поиском моделей обучения, адекватных времени. Антропологическая и культурологическая парадигмы являются новыми образцами, которые сегодня признаются все большим числом ученых во всем мире. Это связано прежде всего со становлением и развитием общества знания, мультикультурной постиндустриальной цивилизации, сменой «культурной адаптации» человека в информационном мире, возрастанiem «антропологичности» науки. Все это стимулировало в большинстве стран мира развитие комплекса культурно-антропологических наук, изучающих названные процессы.

Культура есть своеобразная квинтэссенция жизненных стратегий общества, это художественно представленные жизненные идеи, способные быть воспринятыми